

СПЕЦИФИКА ЗАКРЕПЛЕНИЯ СОВМЕСТНОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Статья посвящена выявлению особенностей законодательного закрепления совместного совершения преступления в некоторых государствах раннесредневековой Европы – Германии, Швеции, Англии, Византии. Автор анализирует уголовно-правовые нормы, содержащие общие и частные положения о соучастии и прикосновенности к преступлению, виды соучастников, формы совершения групповых преступлений.

Ключевые слова: совместное совершение преступления; подстрекательство; пособник; шайка; неосторожное сопричинение; раннесредневековая Европа; Салическая Правда; Законы Этельстана, Эклога.

The article is devoted to identifying the features of legislative provisioning of the joint commission of a crime in some wounded non-medieval European states – Germany, Sweden, England, Byzantium. The author analyzes the criminal law norms containing general and particular provisions on co-participation and implications for crime, types of accomplices, forms of co-perpetration of group crimes.

Keywords: joint commission of a crime; incitement; witch's accomplice; osprey; gang; careless contact; Early Middle-Eastern Europe; Salic Truth; Laws of Etelstan, Eclogue.

Раннесредневековая Европа V – X вв. н. э. в геополитическом смысле была достаточно разнородной. Разрушающаяся Западная Римская империя и мир варваров, представлявший собой в основном конгломерат германских племен, предопределили внешний облик Европы на долгие столетия. Именно взаимодействие этих двух миров структурировало и развитие права в Европе. О масштабности германского варварского влияния в Европе свидетельствуют многочисленные источники. Сегодня исследователи пришли к компромиссу, в соответствии с которым древний германский племенной мир можно разделить на три этногеографические группы германцев, выделившиеся к середине I тысячелетия до н. э. из «индоевропейского субстрата». Это северная группа (Северная Германия, Ютландия и Южная Скандинавия), восточная группа (заэльбские территории вплоть до

Вислы), западная группа (междуречье Рейна и Эльбы в среднем ее течении до верховьев Дуная) [5, с. 24].

Согласно данным А.И. Неусыхина, уже в начале первого века у древних германцев при сохранении верховной собственности на землю у родовой общины, начинают выделяться «домовые общины», которые представляли собой несколько соседствующих друг с другом домохозяйств. Именно этот фактор, по мнению ученого, в первую очередь свидетельствует о постепенном перерождении родовой общины у древних германцев в общину соседскую [7, с. 219]. В.В. Штокмар полагает, что именно соседскую общину-марку принесли с собой в Британию захватчики-германцы, и структура англосаксонской общины была типичной структурой германской марки [14, с. 26].

© Георгиевский Э.В., 2019

«Основу общественной организации англосаксов, — пишет М.П. Алексеев, — представляет деревня, сельская община, управлявшая своим сходом. Несколько деревень составляли территориальный округ, носивший название сотни (handred), который также имел свои сходы, обладавшие судебными и административными функциями» [1, с. 18 – 19].

С V по X век в раннесредневековой Германии происходит процесс письменного закрепления обычного (устного) права. Варварские Правды (Leges Barbarorum), по мнению многих исследователей, являются достаточно сложными юридическими комплексами. «Все они, — пишет М.Б. Свердлов, — основаны на племенных Правдах — устных законах племени или союза племен, но записаны по инициативе королей или герцогов. Такое происхождение и «состав» варварских Правд позволяют использовать их ретроспективно для изучения социально-экономических отношений и отражающих их правовых норм родоплеменного строя. В то же время на их основе можно изучать генезис феодальных отношений и формирование права как нормативного выражения воли господствующего класса» [9, с. 43].

Общее понятие преступного у древних германцев выражалось в причинении преступного вреда любым общественно опасным посягательством, а развитие понятия преступного происходило от понимания преступления как греха, к преступлению — нарушению воли правителя божественного происхождения. Франк Гольтцендорф уточняет, что «зерно» преступного лежит в плоскости причинения вреда именно любым членам военной общины, которые взаимно поручились охранять мир в этой общине. А вот сумма преступного ущерба напрямую зависит от того, какое значение имело данное лицо (свободный воин или земледелец, раб, женщина, ребенок) в «боевой жизни общины». При этом говорить о различии, например, форм вины, по мнению исследователя, просто не приходится [2, с. 8].

Примерно в это же время начинают прорисовываться в уголовных законах Древней Германии и некоторые общие черты прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении как институтов, сопутствующих институту преступления. Так, например, предусматривает подстрекательство,

совершенное путем подкупа, 28-й титул Салической Правды (составлена в конце V или начале VI столетия при Хлодвиге I). Штраф за такого рода соучастие в совершении преступления был достаточно солидным и составлял 63 солида [12, с. 14]. Помимо подстрекателя, как одного из видов соучастников в преступлении, в Салической Правде упоминается и пособник ведьм, т. е. лицо, в обязанности которого входило ношение котла, в котором ведьмы варили свое зелье. Штраф за подобную помощь ведьме составлял 63 солида [11, с. 50].

Салическая Правда формулирует одну из форм соучастия, которая получила наименование «скоп» или «скопище». В Правде существует целый устав, состоящий из трех параграфов под одним и тем же названием «О человекоубийстве скопищем». В этих параграфах, конечно, нет еще четких положений о формах соучастия, они сформулированы во многом казуистически, но древний франкский законодатель уже пытается определять количество лиц при индивидуализации уголовной ответственности.

Если скопищем был убит свободный франк, живущий по Салическому закону, за его смерть полагалась уплата 200 солидов. Если при этом осуществлена попытка скрыть труп убитого, то штраф возрастал в 3 раза. За убийство скопищем франка, состоящего на королевской службе, или свободной женщины полагалось выплатить в казну 600 солидов.

Штрафом в 1800 солидов оценивалось нападение скопищем и убийство человека, состоявшего на королевской службе, в его доме. Салический закон специально оговаривает действия организатора («если кто, собравши скопище»). Штраф за «обычного» человека уменьшался в 3 раза. В том случае, если тело убитого будет иметь более трех ран, скопище условно разделяется на три «тройки». Первые трое платят по 600 солидов, каждый из второй «тройки» — по 90 солидов. Те, кто входил в третью «тройку», по 45 солидов. Однако из этого законодательного установления трудно понять, как определялись «тройки». Очевидно, по интенсивности участия каждого в совершении преступления [11, с. 37]. А, возможно, и от того, каков был характер этих ран в момент их нанесения — были ли они ранами, причинившими легкий вред здоровью, вред здоровью средней тяже-

сти, тяжкий, или же они были опасными для жизни в момент их нанесения.

Применительно к убийству, совершенному скопом, древнефранкский законодатель пытается дифференцировать ответственность в зависимости от количества участников скопа. Их могло быть 5 или 7. В первом случае, если один из пяти убивал, остальные также должны были платить за убийство. Во втором случае уже не все подлежали штрафу, а только те, чья вина будет доказана [Там же, с. 38 – 39].

В прибавлении 5 к параграфу 13 Салической Правды формулируется ответственность за нападение скопом на свободную девушку или женщину в дороге или каком-нибудь другом месте. Ответственность каждого из участвующих в применении насилия оценивалась в 200 солидов. Следует полагать, что во второй части прибавления идет речь об эксцессе соисполнителей, не знавших о том, что будет применено насилие («которые не знали о допущении насилия, однако там присутствовали»). В этом случае каждый из таких лиц платил по 45 солидов, т. е. штраф, по сути, в 3 раза меньший [Там же, с. 22].

Нападение скопом на переселяющегося человека оценивалось в 63 солида для каждого участвующего в таком посягательстве. Нужно отметить, что салический законодатель установил ответственность за нападение скопом еще на ряд объектов. Например, сложно было в одиночку напасть на чужую виллу, выломать двери, перебить собак, изранить людей. Штраф для каждого участвующего в таком нападении также составлял 63 солида [Там же, с. 22].

В Капитулярии I (к Салической Правде прилагаются обычно капитулярии франкских королей Хильперика, Хильдеберта, Карла Великого [3, с. 17]) в статье 6 устанавливается ответственность для соучастников при умыкании. К ним относились родственники, выступающие в качестве похитителей или в качестве сотоварищей при умыкании. Все они подлежали смертной казни, а их имущество подлежало переходу в казну [11, с. 51]. В Капитулярии II за нападение скопом на женщину или девушку в целях ее изнасилования устанавливалось наказание в 200 солидов для каждого участника. Этот вид скопа именуется также шайкой [Там же, с. 53].

Упоминает скоп как форму соучастия и Тюрингская Правда (IX век). Статья 9 главы 10 «О насилии» гласит: «Кто на дом другого нападет скопом, в таком случае из первых трех, тут бывших, каждый платит 60 солидов. Подобным образом из прочих, кои с первым находились, каждый платит 10 солидов и в казну королевскую 60 солидов» [10, с. 80]. В этой связи хотелось бы отметить, что в целом отношение к женщине у древних германцев было более чем превосходным. По словам Тацита, женщина – это самое святое, что есть у древнегерманского воина. Именно к ним идут они со своими ранами, женщины доставляют пищу, одобряют поведение германца, придают мужество дрогнувшим в бою. К женским советам относятся со всем вниманием, а прорицаниями не пренебрегают [Там же, с. 357].

Упоминает о соучастниках статья 36 Саксонской Правды (IX век) и карает «равным образом» соучастников [11, с. 83].

Вестготская Правда (VII век) в титуле 3 «О похищении девушек и вдов» в статье 12 предусматривала ответственность соучастников похищения, которыми могли быть как свободные, так и рабы [Там же, с. 184]. Равным образом Вестготская Правда наказывала господ, являющихся исполнителями преступления, и соучастников с укрытателями злодеяний своих господ [Там же, с. 198]. В Вестготской Правде говорится о таком виде соучастника, как пособник похитителя, ответственность которого устанавливается в титуле 3 «О похищении девушек и вдов».

Книга 7 Вестготской Правды, где регламентировались вопросы ответственности за преступления против собственности, имеет достаточно интересную норму, освобождающую от ответственности тех доносчиков, которые сами являлись соучастниками. «Если будет доказано, что донесший о краже является соучастником, пусть он не получает никакого наказания и избежит выплаты штрафа. Награды же за свой донос пусть не требует, поскольку ему должно быть достаточно того, что он остался в безопасности» [11, с. 218].

Выделяет главного (первого) участника преступления в мятеже против герцога Баварская Правда (была составлена при Дагоберте I в VII или VIII веке) [6, с. 74].

Параграф 3 титула 2 «О герцогах и тех делах, которые их касаются» устанавливает, что первый, поднявший мятеж, присуждается к штрафу в 600 солидов. Те же из равных ему, кто последовал за ним и имел с ним совет, должны платить по 200 солидов. Остальные из народа, которые также поддерживали мятеж, платили уже по 40 солидов. Штраф среди соучастников распределялся не только по активности соучастника, но и по его социально-правовому статусу [3, с. 251]. Как преступление, совершенное в соучастии, необходимо, как представляется, рассматривать ситуацию, когда господин приказывает своему рабу украсть и продать свободного человека. Подобное соглашение предполагало наказание только для господина, на раба же он просто терял право [Там же, с. 264].

О соучастии в совершении преступления говорит и титул 34 Аламманской Правды (была составлена при герцоге Лантфриде I в VI или VII веке). В соответствии с данной нормой наказанию подлежали, очевидно, грабители, которые вторгались в те или иные провинции, находившиеся под властью соответствующих герцогов. Такие военные нападения заканчивались грабежами. Предводитель наказывался тройным возмещением всего, что было награблено и, кроме того, выплачивал герцогу виру. Все остальные участники грабительского нападения (дружинники, воины) также возмещали похищенное в тройном размере, но платили герцогу по 60 солидов каждый [Там же, с. 167].

В соответствии с законами лангобардов по 20 солидов должны были уплатить за соучастие в покушении на убийство лица, которые предварительно сговорились, но смерть потерпевшего при этом не наступила. Если же человек был убит в соучастии, то в соответствии с главой 12 Эдикта Ротари (был принят в Павии — столице Лангобардского государства 22 ноября 643 года) [Там же, с. 10] соучастники могли объединиться для уплаты вергельда в 900 солидов. При этом если кто-либо очищался от вины в непосредственном причинении смерти, то все равно платил 20 солидов за то, что состоял в сговоре [Там же, с. 17]. А вот уплата за хищение, совершенное в соучастии по Эдикту Ротари, имела особенность, выражавшуюся в том, что если виновные со-

вместно объединялись для уплаты штрафа, последний оплачивался в восьмикратном размере. Если же кто-либо из соучастников не хотел объединяться, то он уплачивал штраф в индивидуальном порядке, но уже в девятикратном размере [11, с. 158].

Примечательно, что древнегерманские законы пытались регулировать и вопросы неосторожного сопричинения. Статья 138 Эдикта короля Ротари гласила: «Если двое, трое или более людей срубят одно дерево и [при падении] самого дерева будет убит другой идущий человек или нанесен какой-либо ущерб, тогда пусть срубившие дерево, сколько бы [их] ни было, поровну оплатят само убийство или ущерб» [Там же, с. 150]. Несмотря на некоторую запутанность данной нормы в вопросе разделения суммы штрафа между сопричинителями, главное остается ясным — все участники платили полную сумму штрафа за причинение смерти [Там же, с. 150].

Упоминание о прикосновенности к преступлению и некоторых формах соучастия содержится в законодательстве древних англосаксов. Одним из важнейших источников древнегерманского права являлись англосаксонские правды VII — первой четверти VIII века, так как именно они отражали хоть и разлагающиеся, но родоплеменные отношения в королевствах Кенте и Уэссексе. Согласно точке зрения С.В. Санникова, древнегерманская правовая лексика в большей степени отразилась как раз не в континентальных древнегерманских законах, писавшихся, в основном, на варварской (вульгарной) латыни, а в древнесаксонских законах, получивших свое отражение в ранних англосаксонских правдах [8, с. 228].

В Правде уэссекского короля Инэ (690 год) в статьях 7 и 7 со значком 1 и 2 говорится об ответственности членов семьи вора, знавших о совершении преступления, а также устанавливается возраст в десять лет для мальчиков, совершивших укрывательство. А в статье 17 со значком 1 устанавливаются три возможные формы соучастия. Простая — до семи человек, толпа (шайка) — от семи до тридцати пяти человек, военное нашествие — свыше тридцати пяти человек [12, с. 67]. Те, кто обвинен в участии в шайке, должен был приносить очистительную присягу в 120 гайд.

Регламентирует ответственность за совершение нападения в составе шайки, как одной из форм соучастия, Кодекс короля Альфреда (около 893 года). Ответственность членов шайки также дифференцируется в зависимости от непосредственного участия в лишении жизни потерпевшего. Тот, кто убивал, платил полный вергельд. Тот, кто участвовал в шайке и ее нападениях, но при этом сам не убивал, платил примерно 1/7 полного вергельда [11, с. 265].

В Судебнике города Лондона, являвшегося частью Законов Этельстана (около 930 года), также есть упоминание об укрывательстве. Так, имущество казненного вора делилось, и при этом часть шла жене с условием, если последняя не являлась укрывательницей преступления мужа [Там же, с. 279 – 280].

В Законах Кнута (X – XI века) в статье 21 устанавливается правило, в соответствии с которым каждый, кто имел 12 зим от роду, должен был приносить присягу в том, что он не будет ни вором, ни укрывателем вора [Там же, с. 286].

Вопросы соучастия были в определенной степени известны законодательству раннесредневековой Византии. Так, Эклога 726 года, созданная императором Львом III Исавром, представляла собой древнейший законодательный свод, входивший в Номоканоны. Титул XVII Эклоги назывался «Наказания за преступления» и содержал 53 статьи, среди которых были нормы, фактически предусматривающие совместное совершение преступления. Так, статья 3 предусматривала ответственность за поднятие восстания против императора. Целый ряд преступлений против семьи и нравственности предполагал солидарную ответственность. Например, статьи 22, 23, 27 предусматривали ответственность за вступление в половые связи с чужой рабыней, монахиней, чужой женой. Наказание при этом дифференцировалось для мужчины и перечисленных субъектов женского пола. Для женщин наказание было, как правило, чуть более строгим. Обе стороны наказывались и за инцестуозные связи. В статье 24 речь идет не только о похищении монахини или светской девушки и последующем обесчещивании их, но и о содействии совершению этого преступления. А в статье 28 говорится о попустительстве как виде прикосновенности к преступлению. «Тот, кто знает о прелюбодеянии своей жены

и допускает это, да будет высечен и изгнан» [15, с. 68 – 70].

В древнем шведском Законе Гутов (Гуталаге), представлявшем собой запись обычаев гутов, сделанную до XII века, есть упоминание о совершении хищения тремя рабами. В этом случае господин должен платить за всех участвовавших в хищении рабов тройной штраф [4, с. 153]. В законах о человекоубийстве Вестгеталага уже более четко формулируется специфика ответственности сообщника в совершении преступления на тинге. Сообщник платит половину от штрафа, уплачиваемого исполнителем, за совет, приведший к смерти, или сообщничество [Там же, с. 189 – 190]. Как полагает А.А. Сванидзе, против соучастников убийцы, присутствовавших, т. е. наблюдавших за совершением преступления, и злого советчика судебный процесс должен был вестись в той же форме, что и против убийцы [Там же, с. 194].

Статья 2 глав о воровстве Вестгеталага (начало XIII века) устанавливает совместную ответственность за воровство отца и сына, а также управляющего и раба. В первом случае смертной казни через повешение подлежали оба, во втором – смерти подлежал только управляющий. Статья 4 глав о воровстве устанавливает общий принцип, определяющий степень общественной опасности тех или иных видов соучастников. А точнее, речь в статье идет о том, что как действия исполнителя при хищении расцениваются также действия подстрекателя (а возможно, и интеллектуального пособника), а также и действия того, кто принимает похищенное, т. е. фактически укрывает преступление [Там же, с. 255]. Статья 14 гласит, что нашедший чужое животное в воровской шайке должен объявить об этом с целью очищения от воровства [Там же, с. 258].

Основные выводы хотелось бы отразить в следующих положениях. Некоторые общие черты институтов прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении начинают прорисовываться в уголовных законах раннесредневековой Германии, Англии, Швеции и Византии. Есть упоминания о добровольном отказе соучастников, эксцессе исполнителя и неосторожном сопричинении. Среди видов соучастников выделяются подстрекатели, пособники, а в ряде случаев и первые (главные) виновники.

Осуществляются попытки формулирования некоторых форм соучастия, например, скопа (скопища) и шайки (банды или толпы). Определяются специфические основания уголовной ответственности за совершение преступления групповым способом. Практически во всех случаях совместного совершения преступления тяжесть уголовно-правовой кары распределялась в равной степени между всеми участниками. Однако, справедливости ради, надо сказать, что достаточно часто раннесредневековый европейский законодатель дифференцировал уголовную ответственность между участниками (и даже между соисполнителями) в зависимости от характера и степени участия в совершении преступления, а также от социального происхождения.

При этом необходимо отметить, что во многом такое раннее законодательное закрепление некоторых положений института совместного совершения преступления зависело именно от характера и степени общественной опасности целого ряда преступлений, а также от структуры их составов. Это были либо составы, основанные на так называемой «солидарной» ответственности, либо представляющие собой массовые посягательства на охраняемые законом интересы правящих классов – бунты, заговоры, военные нападения, перевороты. В меньшей степени и как бы попутно массовость при совершении преступлений могла быть и в случае посягательств на личность, собственность, интересы религии и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М.П.* Литература средневековой Англии и Шотландии : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / предисл. и коммент. Н.Д. Левина. — М. : Высш. шк., 1984. — 351 с.
2. *Гольтцендорф Ф.* Вступительный очерк уголовного права (продолжение) // Юридический вестник, издаваемый Московским юридическим обществом. — 1874. — Книга 7–8 (июль — август). — С. 5 — 66.
3. *Данилова Г.М.* Аламаннское и баварское общество VIII и начала IX в. — Петрозаводск : Карелия, 1959. — 297 с.
4. Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы / отв. ред. и сост. А.А. Сванидзе. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. — 332 с.
5. История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. — М. : КДУ, 2008. — Т. 1: С древнейших времен до создания Германской империи / отв. ред. С.А. Васютин, Е.П. Глушанин. — 544 с.
6. *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. — 374 с.
7. *Неусыхин А.И.* Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. — М. : Наука, 1974. — 537 с.
8. *Санников С.В.* Представление о преступном деянии в раннесредневековой германской правовой культуре: соотношение частного и публичного начала // Проблемы античного мира и современность : межвуз. науч. сб. — Вып. 1. — Алмата, 2010. — С. 227 — 237.
9. *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. — М. : Юрид. лит., 1988. — 176 с.
10. *Тацит Корнелий.* Сочинения в 2 т. — Т. 1: Анналы. Малые произведения / изд-е подгот. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко. — Л. : Наука, 1969. — 449 с.
11. Уголовное законодательство Германии и Англии эпохи раннего средневековья : хрестоматия / сост. и автор предисл. Э.В. Георгиевский. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 296 с.
12. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В.М. Корецкого. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1961. — 960 с.
13. *Шервуд Е.А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). — М. : Наука, 1991. — 286 с.
14. *Штокмар В.В.* История Англии в Средние века. — СПб. : Алетейя, 2005. — 203 с.
15. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. статья, пер., коммент. Е.Э. Липшиц. — М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1965. — 231 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. *Alekseev M.P.* Literatura srednevekovoy Anglii i Spotlandii : ucheb. posobie dlya filol. spec. un-tov / predisl. i komment. N.D. Levina. — M. : Vyssh. Shk., 1984. — 351 s.
2. *Gol'tcendorf F.* Vstupitel'nyy ocherk ugolovnoogo prava (prodolzhenie) // Yuridicheskij vestnik, izdavaemyj Moskovskim yuridicheskim obshchestvom. — 1874. — Kniga 7 — 8 (iyul' — avgust). S. 5 — 66.
3. *Danilova G.M.* Alamannskoe i bavorskoe obshchestvo VIII i nachala IX v. — Petrozavodsk : Kareliya, 1959. — 297 s.
4. Iz rannej istorii shvedskogo naroda i gosudarstva: pervye opisaniya i zakony / otv. red. i sost. A.A. Svanidze. — M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 1999. — 332 s.
5. Istoriya Germanii : ucheb. posobie : v 3 t. / pod obshch. red. B. Bonvecha, Yu.V. Galaktionova. — M. : KDU, 2008. — T. 1: S drevnejshih vremen do sozdaniya Germanskoj imperii / otv. red. S.A. Vasyutin, E.P. Glushanin. — 544 s.
6. *Lyublinskaya A.D.* Istochnikovedenie istorii srednih vekov. — L. : Izd-vo LGU, 1955. — 374 s.
7. *Neusyhin A.I.* Problemy evropejskogo feodalizma. Izbrannye trudy. — M. : Nauka, 1974. — 537 s.
8. *Sannikov S.V.* Predstavlenie o prestupnom deyanii v rannesrednevekovoj germanskoj pravovoj kul'ture: sootnoshenie chastnogo i publichnogo nachala // Problemy antichnogo mira i sovremennost' : mezhvuz. nauch. sb. — Vyp. 1. — Almata, 2010. — S. 227 — 237.
9. *Sverdlov M.B.* Ot Zakona Russkogo k Russkoj Pravde. — M. : Yurid. lit., 1988. — 176 s.
10. *Tacit Kornelij.* Sochineniya v 2 t. — T. 1: Annaly. Malye proizvedeniya / izd-e podgot. A.S. Bobovich, Ya.M. Borovskij, M.E. Sergeenko. — L. : Nauka, 1969. — 449 s.
11. Ugolovnoe zakonodatel'stvo Germanii i Anglii epohi rannego srednevekov'ya: hrestomatiya / sost. i avtor predisl. E.V. Georgievskij. — M. : Yurlitinform, 2016. — 296 s.
12. Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / pod red. V.M. Koreckogo. — M. : Gos. izd-vo yurid. lit., 1961. — 960 s.
13. *Shervud E.A.* Zakony langobardov. Obychnoe pravo drevnegermanskogo plemeni (K rannemu etnogenezu ital'yancev). — M. : Nauka, 1991. — 286 s.
14. *Shtokmar V.V.* Istoriya Anglii v Srednie veka. — SPb. : Aletejya, 2005. — 203 s.
15. Ekloga. Vizantijskij zakonodatel'nyj svod VIII veka / vstup. stat'ya, per., komment. E.E. Lipshic. — M. : Nauka. Gl. red. vost. lit., 1965. — 231 s.